П.Ф. Космолинский, Москва

ГЕРБ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА КИКИНА

(см. рис. на 2-й стр. обложки)

Интерес к гербу Петра Андреевича Кикина появился у меня после письма сотрудника Художественного музея г. Алатырь (Чувашия) Евгения Петровича Краснова в Департамент Герольдии Российского Дворянского Собрания, и обращения Сергея Алексеевича Сапожникова, нет ли в моей картотеке по этому поводу каких-либо сведений. Сведений не оказалось. Что, впрочем, не удивительно.

Как известно из исследований русских геральдистов - классиков, в России в начале XX в. только около 5% дворянских фамилий имели зарегистрированный в Гербовнике герб. В первых 10 томах 1562 герба, примерно столько же во втором десятке томов, около 1250 в 20 томах Сборника дипломных гербов (часть из которых позже вошла в Общий Гербовник), 2 тома Гербовника Царства Польского содержат около 900 фамилий. Прибалтийский Гербовник охватывает такое же количество родов. Примерно столько же и в Малороссийском Гербовнике (в двух последних изрядное количество гербов повторяющих Общий Гербовник). Прибавив сюда Гербовник Великого Княжества Финляндского, мы получаем общее количество около 7000-7500 гербов. При том следует помнить, что три последних источника не являются официальными, а нечто вроде гербовников Анисима Титовича Князева или Петра Космолинского...

В то же время практические занятия геральдикой доказывают, что своими гербами пользовались и многие фамилии, гербы которых не обнаруживаются в упомянутых официальных и неофициальных источниках. Мы встречаем изображения этих гербов на личных печатях, фронтонах зданий, гравированных портретах (реже живописных и скульптурных), предметах обихода (посуда, мебель, оружие и т.п.), экслибрисах и, наконец, могильных памятниках. В ряде случаев, попадаются различные варианты герба, принадлежащего одной семье, что можно объяснить не устоявшейся традицией, не «освященностью» изображения Монаршем утверждением, не одинаковым видением символов различными художниками, и множеством других причин, даже желания одной ветви рода отличаться от другой, вплоть до различий между представителями внутри одной семьи, т.е. отсутствием законодательного акта. Впрочем, при наличии утвержденного герба, отдельные семьи продолжали пользоваться гербами, несколько отличавшимися от «стандарта». Так, на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры можно видеть герб на могиле князя Львова, где Смоленский герб изображен не на серебряном, традиционном поле, а на червленом. В экслибрисе А.П. Ермолова нижнее поле герба не серебряное, а рассеченное на червлень и лазурь, и т.д. Любопытно отметить, что граф Тотлебен, имевший три утвержденных герба - один в Тюрингии (родовой) и два в России: дворянский (диплом от 28.06.1872 г.) и графский (ОГ-XIV, 9), пользовался четвертым (!) вариантом, который сам составил, но не смог утвердить в Герольдии, и именно этот герб изображен на его надгробии на Братском кладбище в Севастополе.

Евгений Петрович Краснов прислал два изображения герба П.А. Кикина - экслибрис (рис. 1) работы известного гравера эпохи Императоров Павла Петровича и Александра Павловича, Николая Ивановича Уткина (1780-1863 гг.) и зарисовку (рис. 2) с рельефного изображения герба на надгробии на Тихвинском кладбище.

Действительный статский советник, статс-секретарь и сенатор, участник Отечественной войны 1812 г. и Заграничных походов, Петр Андреевич Кикин (1775-1834 гг.) занимал видное положение в светском и культурном обществе России первой трети XIX века, человек образованный, окончивший Московский университет, далеко не бедный, по неизвестной нам причине не счел нужным заниматься утверждением своего герба в Общем Гербовнике. Тем не менее, дошедшие до нас изображения свидетельствуют о неравнодушном отношении сенатора, мецената и первого председателя основанного им Общества поощрения художников к родовым символам.

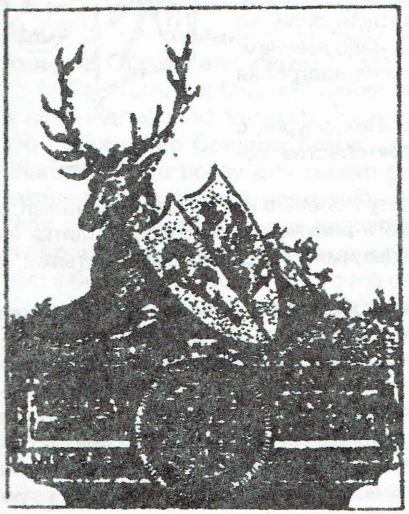

Рис. 1.

Гравюра изображает пьедестал, украшенный латинской монограммой «РК», на котором лежит отдыхающий олень, на него опирается гербовый щит, все поле которого покрыто точками, т.е. полностью золотое. В рассеченном поле щита геральдически справа цветок с тремя головками, без листьев, похожий на чертополох или гвоздику, а слева половина выходящего из середины черного двуглавого коронованного орла с распростертым крылом, держащего в лапе державу. К щиту справа прислонена дворянская корона. Описание этого экслибриса опубликовано в книге Д.А. Ровинского «Н.И. Уткин, его жизнь и произведения» (СПб., 1884, с. 175). На эту книгу ссылается и И.В. Борисов в своем альбоме «Родовые гербы России» (М., «Виктория. Янтарный сказ», 1997, с. 99), говоря, что экслибрис с неутвержденным гербом Кикина был определен по собранию печатей, хранящихся в Гербовом музее, а также по гербу на его надгробье. Такой же экслибрис хранится в фондах Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Москва. Он опубликован в книге С.Г. Ивинского «Книжный знак» (М., 1980) и в «Книжном обозрении» (№ 33, 1991) в заметке А. Сазонова «Резцовая гравюра на меди». Все эти материалы собрал и предоставил мне Е.П. Краснов.

Второе изображение, которое я получил без сообщения, что это рисунок «по впечатлению», того, что было увидено на надгробии, мне показался не очень привычным для русской геральдики, о чем я и написал Е.П. Краснову. Так, я не встречал в нашлемнике оленя «отдыхающего», а не возникающего (в английской геральдике нечто подобное встречается, но там нашлемник повто-

рает основную фигуру щита); дворянская корона была изображена не в русской традиции - три лепестка и две жемчужины, а пять жемчужин; смущал московский герб на груди орла, не свойственным в «нетитулованном» гербе; но больше всего вызвал недоумение цветок в правой части щита: если на экслибрисе он выглядел как чертополох или гвоздика, при чем отсутствовали листья, то в данном случае он походил на подсолнух с тремя головками и с тремя большими листьями. В ответ на мое послание, господин Краснов разъяснил мне мое заблуждение относительно источника информации. Ссылка на надгробный памятник немного охладила мой боевой дух. Впрочем, Евгений Петрович сам оказался неуверенным в том, в каком положении находился олень в нашлемнике и был ли герб Москвы на груди орла, но настаивал на виде цветка, правда также с недоумением, почему два изображения - на экслибрисе и на надгробии - столь несходны.

Рис. 2.

Ситуация требовала побывать в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской лавре. Благо, обстоятельства поспособствовали в этом.

Три моих подозрения разрешились сразу - олень в нашлемнике возникал, а не отдыхал, корона была обычного русского рисунка, и московского щитка на груди орла не было. Но цветок был с большими сердцевидными листьями, а лепестки изображены двумя венчиками.

Прийти к какому-либо выводу, по-моему, оказалось невозможно. Характер изображений на экслибрисе и надгробии совершенно не сходны. Мало того, похожий на подсолнух цветок в надгробном гербе, при ближайшем рассмотрении таковым не является: не характерный для подсолнуха двойной венчик вокруг сердцевины, похож больше на маргаритку, но здесь не подходят листья, а три головки на одном стебле в природе у таких растений бывают редко. Для этого они «не достаточно дикие». Листья похожи и на листья розы, кстати, в геральдике розы по три цветка на стебле встречаются, но здесь сами цветки не похожи ни на натуральные, ни на геральдические розы. Приходится смириться с тем, что в данном случае цветок в гербе Кикиных условный, отвлеченный, просто как символ: стебель с тремя цветками. Возможно, это означало трех братьев Кикиных, получивших дворянство или этот герб, или трех детей, или вообще все что угодно...

Опираясь на правила русской геральдики, описание герба Кикиных может звучать так: «В рассеченном щите, в правом золотом поле натурального цвета стебель с тремя цветками; в левом золотом же поле выходящий из середины черный коронованный орел с распростертым крылом, держащий в лапе Державу. Щит увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник - возникающий олень натурального цвета. Намет золотой, подложенный черным». Что я и представляю Вашему вниманию.

ГЕРБ ПЕТРА АНДРЕЕВИЧА КИКИНА

(см. стр. 58)

Герб дворян Кикиных.
Художник П.Ф. Космолинский.